

УДК: 811.1/8

И.В. Тубалова, Х. Ван

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦЕ И ЧАСТУШКЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Томской области (научный проект № 17-14-70006-ОГН); фонда им. Д.И. Менделеева ТГУ (Государственная поддержка ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентной способности среди ведущих мировых научно-образовательных центров).

Рассматриваются факторы и специфика реализации соматического кода русской национальной культуры в конкретных жанрах фольклорного дискурса. В фокусе внимания – специфика кодового содержания и принципов функционирования соматизмов в русских частушке и пословице, определяемая особенностями общекультурного и национально-культурного соматического кода, а также характером их дискурсивно-жанровой обработки.

Ключевые слова: соматический код культуры; фольклорный дискурс; фольклорный жанр; пословица; частушка; соматизм.

Актуальность проблемы внутренней организации культурно специфического содержания подтверждается в различных гуманитарных исследованиях XX–XXI вв. (см., например, объемный обзор работ в [1]). Одной из наиболее значимых форм его реализации является культурный код, отражающий архетипические представления человека о мире и организующий их в единую моделирующую систему.

Понятие культурного кода в современных гуманитарных науках во многих случаях ориентируется на философскую концепцию У. Эко, в рамках которой культурный код представляет собой «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [2. С. 27].

Код культуры при таком подходе понимается как «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [3]. В понятии культурного кода выражена одна из наиболее значимых функций культуры как системы синтезирования знаков: «Культура для воплощения своего содержания в знаковую форму, или свой “язык”, использует для этого содержания все то, что может представлять богатство ее смыслов, или концептов: природные объекты, “вещи”, созданные человеком, так или иначе овеществленные плоды его духовного мировосприятия, произведения искусства, науки и т.д.» [4. С. 776]. С.М. Толстая отмечает, что культура образует кодовые системы как на основании характера знаковой формы выражения культурных смыслов – «субстанционально разные наборы знаков» [5. С. 109] (предметный, акциональный, изобразительный и под.), так и «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [Там же] (растительный, зооморфный, пищевой и пр.). Вербальный код в рамках этой логики определяется как один из субстанциональных кодов культуры [Там же. С. 112].

В лингвистике при обращении к анализу культурного кода на основании его интерпретирующей функции одни исследования сосредоточиваются на наличии особой культурно заданной целостности вербальных и невербальных средств его выражения, и его вербальная составляющая рассматривается в тесном взаимодействии с остальными [5–7 и др.], а другие – фокусируются на вербальных формах репрезентации культурных смыслов, анализе их культурно обусловленной парадигматики [4, 8–11 и др.].

Представляемое исследование осуществляется в рамках проблематики вербальной репрезентации культурно обусловленного смысла, проявленной в лексических единицах языка.

Исследователи регулярно отмечают, что вербальная реализация культурного кода основана на его взаимодействии с кодом естественного языка. Значимость такого взаимодействия активно обсуждается в лингвистических работах, направленных на анализ вербальных форм реализации культурного смысла. При этом особо подчеркивается, что такое взаимодействие имеет системный статус. Так, Д.Б. Гудков отмечает, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [8. С. 42].

Наиболее подробно культурно обусловленное содержание лексических единиц языка проанализировано на материале фразеологизмов [4, 9–14 и др.]. Востребованность фразеологического материала в этом аспекте Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова объясняют наличием у фразеологического знака особой функции выступать в качестве знака «языка и культуры» [9. С. 87–88]. Подобным образом можно объяснить также достаточно регулярное обращение исследователей к проблеме реализации культурного кода в пословице [15–18 и др.].

Цель данного исследования – на материале соматизмов, функционирующих в пословице и частушке как жанрах русского фольклорного дискурса, выявить

специфику реализации кодовых смыслов лексических единиц в их дискурсивно-жанровой обусловленности. Такая постановка проблемы соответствует утверждению С.М. Толстой о том, что при обращении к аспектам взаимодействия языка и культуры исследователя «интересуют не только способы включения вербальных компонентов в культурный контекст и их функции в этом контексте, но и возможности самого языка развиваться и выражать культурные значения» [5. С. 113].

Исследование выполнено на материале русских пословиц (1 431 текст) и частушек (593 текстов) с соматизмами, выбранных из фольклорных сборников [19–25].

Многие дискурсивные практики становятся формами реализации культурных практик, и в систему дискурсивных принципов их реализации включается оперирование культурными смыслами. Один из способов такого оперирования заключается в особом – дискурсивно обусловленном – использовании вербальных единиц, в значении которых системно закрепляются результаты взаимодействия культурного кода с кодом естественного языка.

Характер дискурсивного оперирования кодовыми именами задается спецификой дискурсивной интенции. На ее основании они становятся инструментом реализации дискурсивной картины мира, определяемой как «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [26. С. 43].

Фольклорный дискурс – объект настоящего исследования – обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах, особым образом.

Вербальный художественный фольклор¹ представляет собой один из видов культурно-дискурсивных практик. Его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, способствует представлению исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации.

Значимость апелляции к национально-культурным кодовым смыслам определяется прежде всего целью фольклорного дискурса: «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [27. С. 33]. Различные в жанровом отношении тексты фольклора объединяет общий дискурсивный ценностноориентирующий (верифицирующий) модус – типовой модусный смысл, выраженный в фольклорных текстах, направленных на трансляцию ценностных установок с позиции фольклорного коллектива [28. С. 301]. Исследователи фольклора (Е.Б. Артеменко, С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян и др.) неоднократно отмечают, что любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: «для фольклора... характерно описание мира как идеальной нормы, стабильного образца» [29. С. 139].

Интенциональная направленность фольклорного дискурса определяет органичность прямой апелляции

к ценностному содержанию национально-культурных кодов как основанию для реализации этой оценки.

Данная специфика фольклорного дискурса уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в особом аспекте: наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений отмечено в целом ряде исследований [29–36 и др.]. Активизации кодового смысла способствует эстетическая жанровая форма фольклора: «мир любого фольклорного текста (как и его фрагмента) не бывает точным историческим слепком с мира реального (в диахронии) или его прямой проекцией (в синхронии); фольклору вообще не свойственно воспроизведение жизни в эмпирически натуральных формах» [32. С. 32].

Базовая цель фольклорного дискурса особым образом реализуется в его жанрах, что определяет специфику жанрового использования вербальных единиц – носителей национально-культурных кодовых смыслов.

В фокусе внимания данного исследования находятся соматизмы – лексические единицы, выступающие как вербальные репрезентанты соматического кода русской национальной культуры, реализованного в пословице и частушке как жанрах русского фольклора.

Соматический код характеризуется как один из базовых культурных кодов (наряду с пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным) [37. С. 233]. При этом даже среди базовых кодов он, по мнению исследователей, занимает особое место – как «наиболее древний из существующих» [Там же], так как истоки его формирования связаны с основами мифологического мышления, с тем, что «человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» [Там же].

Содержание соматического кода, по мнению исследователей, определяется тем, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» [16. С. 6].

Культурное содержание соматического кода и специфика его реализации в вербальных единицах – достаточно востребованный объект исследования [9, 12–18, 38–42 и др.].

Один из аспектов его анализа направлен на выявление общих и специфических свойств соматизмов как кодовых единиц и принципов их функционирования в разных национальных культурах [12–15, 17, 39–41 и др.]. Результаты такого анализа могут быть проинтерпретированы как описание иерархической внутренней организации вербального соматического кода отдельной национальной культуры, включающей общекультурную и национально-культурную составляющие. В продолжение такой интерпретации можно охарактеризовать специфику дискурсивно-жанрового соматического кода в рамках национально-культурного. В представленном исследовании мы фокусируем внимание на специфике дискурсивно-жанровой обусловленности реализации вербального соматического кода русской национальной культуры

и учитываем результаты его межкультурного сопоставительного анализа для дифференциации его собственно жанровых свойств.

Сопоставим жанрово обусловленную специфику реализации соматизмов в русских пословице и частушке, отражающих разные содержательные аспекты национально-культурных ценностей и представляющих разные способы их трансляции.

Пословицы по своим жанровым установкам прямо направлены на передачу ценностноориентирующего фольклорного модуса, усиленного дидактическим жанровым ракурсом (о реализации в пословице аксиологической и деонтической модальности см.: [43]). Направленность фольклорного дискурса на полное отражение национально-культурной ценностной картины мира отражается в пословице наиболее полно.

Корпус пословиц как логических суждений фиксирует не оценку, в основе которой – коллективные ценности, а сам перечень этих ценностей, к которым в коммуникативном процессе субъект обращается для выражения оценки.

Система пословичных высказываний стремится к представлению полной национально-культурной ценностной картины мира, и тот ее компонент, который может быть реализован на основании соматического кода национальной культуры, представлен в пословице также максимально полно.

Частушка реализует фольклорную апелляцию к национально-культурным ценностям косвенно – через оценочно ориентированное отражение в типовом частушечном сюжете типового поведения героя. Логическое содержание, соответствующее описанию ценностей, для данного жанра заключается в его дискурсивно обусловленной текстовой пресуппозиции. В отличие от пословиц, частушка во многих случаях представляет фольклорные ценности в «перевернутом» виде: в этих случаях фольклорная норма транслируется через описание антинормативной ситуации [44], реализуется оценочно-комический жанровый модус (в основе – жанровая интенция осмеять антинормативное = негативное) [28. С. 302]. Прямая апелляция к национально-культурным кодовым смыслам для частушечных соматизмов не входит в систему собственно жанровых установок.

Проведенный анализ показал, что характер реализации соматического кода в русских частушке и пословице определяется (1) общими принципами внутренней организации общекультурного соматического кода, (2) национально-культурно обусловленными особенностями его реализации, (3) жанрово обусловленными принципами его реализации в фольклорном дискурсе.

Указанные факторы определяют различия в составе, частотности использования соматизмов как кодовых имен в русских частушке и пословице, а также специфику их кодового содержания и принципы функционирования.

Пословицы как ценностноориентирующие дидактически направленные высказывания прямо апеллируют к национально-культурной ценностной системе и направлены на фиксацию максимально полного

представления национально-культурного «ценностного потенциала». В связи с этим каждый соматизм в пословице выполняет функцию кодового имени, активизируя соответствующий ему ценностный аспект, заданный на уровне национально-культурного кода. Так, соматизм *голова* в большинстве случаев маркирует ценность интеллекта (*Молодость плечами покрепче, а старость – головою; Дурная голова ногам покоя не дает; Голова с пивной котел, а мозгу с ложечку* и др.), соматизм *руки* наиболее регулярно отражает ценность жизненной активности (*Горе горюй, а руками воюй; Сложь руки снопа не обмолотишь; Одной рукой и узла не завяжешь* и др.), *ноги* – ценность мобильности (*Ноги с побегой, руки с подхваткой; Голова б не думала, ноги б не пошли* и др.), *волосы* – антиценность «внешнего» в противовес ценности «внутреннего» (*Волос долог, да ум короток; Волосом-то бел, да душой черен; Волосом сед, да совести нет*) и т.д.

В частушках, где ценностный потенциал находит оценочную реализацию в конкретном типовом сюжете, некоторые соматизмы функционируют исключительно как номинанты сюжетных компонентов и не реализуют кодовые смыслы (*Меня мама била – ой! – Об скамейку головой: Ненагульна моя доченька Является домой* и пр.). Единицы, функционирующие подобным образом, мы к анализу не привлекаем.

Потенциальность пословичных высказываний по отношению к конкретным коммуникативным ситуациям, а также направленность пословицы на широту представления национально-культурных ценностей определяют многообразие задаваемых при помощи соматического кода ценностных аспектов, перечень которых максимально полно отражает содержание национально-культурного соматического кода. Реализация национально-культурного кодового содержания соматизмов в частушке опосредуется типовым частушечным сюжетом как типовой моделью коммуникации. Ядерную часть частушечных текстов представляют типовые сюжеты, реализующие тематику любовных отношений молодой пары. Именно в частушках такого типа соматизмы фиксируются наиболее регулярно. Частушки иной тематики (например, политико-агитационные) составляют значительно меньший по объему корпус текстов. При этом соматизмы в нелюбовных частушках практически не фиксируются.

Таким образом, соматизмы в частушке ограничивают свою функцию участием в представлении ценностей любовных отношений: соматический код в частушке – это код любовных отношений, что отличает ее от пословицы, ориентированной на отражение полной палитры национально-культурных ценностей.

Функциональная специализация соматического кода в частушке определяет, во-первых, значительное отличие от пословицы в уровне востребованности отдельных соматизмов как кодовых имен и некоторые отличия в их составе, а во-вторых – особый характер реализации кодовых смыслов.

Приведем список соматизмов, зафиксированных нами в исследуемых жанрах. В пословице это единицы *голова* (283 единицы из 1 436 зафиксированных), *руки* (220), *глаза* (160), *ноги* (140), *зубы* (84), *сердце* (82),

язык (76), рот (71), нос (70), борода (57), лицо (57), плечи (53), волосы (33), живот (33); значительно менее регулярно представлены соматизмы шея (9), брови (8) и грудь (5). В частушке – сердце (165 единиц из 593 зафиксированных), глаза (136), голова (53), зубы (67), рука (57), ноги (52), грудь (36), лицо (25), волосы (22), брови (20), нос (9), язык (6), плечи (6), борода (4); единично представлены соматизмы рот (1), живот (1).

Перечни соматизмов, функционирующих в качестве кодовых имен в пословице и частушке, в основ-

ном совпадают, но обнаруживаются отдельные жанрово обусловленные различия в их составе и значительные различия в частотности использования некоторых единиц. Уровень частотности зафиксированных в каждом жанре соматизмов представлен в таблице. В связи с неравновесностью общего количества соматизмов, зафиксированных в пословице и частушке (1 436/593), приведем для сопоставления частотности процентные показатели количества соматических кодовых имен от общего их количества в каждом жанре.

**Частотность использования соматизмов в пословицах и частушках
(в процентах от общего количества зафиксированных в каждом жанре)**

Соматизмы	Пословица	Частушка
<i>голова</i>	20	9
<i>руки</i>	15	8
<i>глаза</i>	11	23
<i>ноги</i>	10	9
<i>зубы</i>	6	1
<i>сердце</i>	6	28
<i>язык</i>	5	1
<i>рот</i>	5	менее 1
<i>нос</i>	5	2
<i>борода</i>	4	1
<i>лицо</i>	4	4
<i>плечи</i>	4	1
<i>волосы</i>	2	4
<i>живот</i>	2	менее 1
<i>шея</i>	менее 1	нет
<i>брови</i>	менее 1	3
<i>грудь</i>	менее 1	6

Представленные в таблице показатели соответствуют жанровой специфике пословицы и частушки, определяющей характер кодируемых национально-культурных ценностей и соответствующий им набор кодовых смыслов соматизмов, которым они оперируют.

По уровню востребованности в составе соматизмов, обнаруженных в каждом жанре, условно выделим группу высокочастотных (10% и более) и группу соматизмов средней (3–9%) и низкой (2% и менее) частотности.

Внутри каждой группы состав соматизмов частушки и пословицы различается.

Рассмотрим группы высокочастотных соматизмов. В пословице таковыми являются единицы *голова*, *руки*, *глаза*, *ноги*, в частушке – *сердце*, *глаза*.

Группа высокочастотных соматизмов частушки более значительно дифференцирована по уровню востребованности от единиц средней частотности (наименее частотный соматизм из высокочастотных – 23%; наиболее частотный соматизм средней частотности – 9%), чем соответствующая группа пословицы (10/6), и представлена меньшим количеством единиц. Соответственно, каждая высокочастотная единица соматического кода частушки получает более высокую значимость при трансляции кодовых смыслов, чем любая соответствующая единицы пословицы (например, единица *глаза*, которая представлена в рассматриваемой группе обоих жанров, в частушке демонстрирует значительно более высокий абсолютный процентный показатель в сравнении с соответствующим показателем пословицы (23/11)).

В группах средне- и низкочастотных соматизмов пословицы и частушки также наблюдаются значимые различия. Так, значительно ниже в частушке частотность соматизмов *зубы* (6/1), *язык* (5/1), *плечи* (4/1), *борода* (4/1), *рот* (5/менее 1), *живот* (2/менее 1). Наоборот, в частушке активнее используются такие соматизмы данной группы, как *волосы* (4/2), *брови* (3/менее 1), *грудь* (6/менее 1).

Описанное распределение соматизмов соответствует специфике реализации в исследуемых жанрах национально-культурного соматического кода.

В пословице степень востребованности соматизмов отражает «меру сфокусированности внимания» [14] на разных частях тела человека, заданную на уровне общекультурного и национально-культурного соматического кода. Общие для разных культур принципы организации соматического кода отражаются в пословице как жанре кросскультурном. Обращение к результатам исследований кодового содержания соматизмов, выполненных на материале паремиологических текстов неродственных культур [12, 14, 16 и др.], позволяет сделать вывод о том, что группа высокочастотных соматизмов имеет единый состав в паремиях русской, немецкой, казахской, алтайской и других культур. Значительное межкультурное сходство обнаруживает и состав соматизмов, не относящихся к группе высокочастотных. В указанных исследованиях подчеркивается, что значимость общекультурной основы в формировании соматического кода конкретных культур объясняется единством устройства человека и принципов его осмысления.

В то же время в русских пословицах обнаруживаются и специфические составляющие, заданные на уровне национально-культурного кода. Это в основном касается единиц средней и низкой частотности. Так, относительно регулярный для русской пословицы соматизм *зубы* слабо востребован в казахских паремиях [14]. Наоборот, в исследованных русских пословицах низкой является частотность соматизма *шея*, обнаруживающего среднюю частотность в казахских паремиях [Там же]. Отсутствует в исследованных текстах регулярно фиксируемая во французских пословицах единица *печень* [45], а также демонстрирующие среднюю частотность в казахских паремиях соматизмы *веко*, *голень*, *легкие*, *нёбо* [14].

Частушка как жанр, функционирующий в фольклорном дискурсе исключительно славянских культур [46 и др.], формирует состав соматизмов в первую очередь на основании специфики жанровых установок. В частушке преимущественно востребуются те соматизмы, кодовое содержание которых (заданное на общекультурном и национально-культурном уровнях) в наибольшей степени способствует реализации норм любовных отношений. Соматизмы в этом случае используются при оценке типовых аспектов этих отношений и реализуют кодовые смыслы в соответствии с ними. Например, как в пословице, так и в частушке единицы *сердце* и *глаза* участвуют в интерпретации духовных состояний и качеств человека: *сердце* – как зона их внутренней локализации (пословица: *Беды терпеть – каменное сердце иметь; Всех любить – сердца не хватит; Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу и др.*; частушка: *В поле вырою колодец, Приходи, матаня, пить. Хотя мы с вами в разлуке, Все равно сердце болит; Болит мое сердечко, Ретивое мечется. Вы скажите, где больница, От любви лечатся?; Мой миленочек пошел, Я в окошко глянула. Ой, как я его любила, Даже сердце вянуло и др.*), а *глаза* (в одном из значений) – как зона их экспликации (пословица: *Люди женятся, а у нас глаза светятся; Налиются глаза, как прошибет слеза; Завистливый своих двух глаз не пожалеет и др.*; частушка: *Не сама гармонь играет, Ручки его белые. Не гармошка развлекает, Глазки его серые; Заиграла гармоза, А я думала, гроза. От любви помутились Мои карие глаза; Я пою – а глазки вниз, Скажут, нелюдимая, На кого буду глядеть, Нет моего любимого и др.*). Именно такие (и подобные) особенности кодирования единиц *сердце* и *глаза*, заданные на уровне национально-культурного соматического кода, определяют высокий уровень их востребованности в частушке.

Подобным образом можно объяснить более высокую активность употребления в частушке (в сравнении с пословицей) соматизмов *грудь* (в кодовом значении, близком соматизму *сердце*), *брови* (маркер участника любовного взаимодействия, обязательным признаком которого является красота) и др., а также более низкую (или нулевую) активность соматизмов *язык*, *нос*, *плечи*, *живот*, которые в пословице (а значит – и на уровне национально-культурного кода в целом) реализуют в основном кодовые смыслы, не значимые для характеристики типовых аспектов

любовных отношений (*Длинный язык – короткие мысли; Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами; Такой нос про праздник рос, а я его в будни треплю; Кто бы дятла знал, кабы не его длинный нос и др.*).

Описанные жанровые свойства частушки и пословицы определяют специфику реализации содержания соматизмов как единиц национально-культурного кода.

Если в пословице это содержание отражается прямо, то в частушке оно приобретает жанрово обусловленную специализацию, участвуя в представлении ценностей любовных отношений. Например, *глаза* в пословице – «инструмент / канал духовного взаимодействия человека с миром»: *Брань не дым – глаза не ест; В глаза льстит, а за глаза пакостит; Глаза золотом запырошат – ничего не увидишь*, в частушке – «инструмент духовного взаимодействия членов любовной пары»: *Золото колечко На столе вертелось. Нагляделись мои глазки На кого хотелось; Ты, милашка, дай бумажки, Живописец буду я, Я срисую твои глазки, Ты навек будешь моя; руки* в пословице – «инструмент активности человека»: *Глаза боятся, а руки делают; Жарко желают, да руки поджимают; К чему душа лежит, к тому и руки приложатся*, в частушке – «инструмент активности одного из участников любовных отношений»: *Я стояла на перроне, Милый ехал на вагоне. Я хотела ручку дать, Его только что видать; Милый в армию поехал И сказал: милка, пока. К вагону пристывала Его правая рука; борода* в пословице – «маркер сформированной с возрастом мудрости»: *Борода длинна, да не к уму она; Борода не в честь, а усы и у кошки есть; Борода по колена, а оров ни полена*, в частушке – «маркер возрастного, и поэтому нежеланного партнера в любовных отношениях»: *Ой, девки, беда, Куда мне деваться? По колена борода – Лезет целоваться!; А Ванечка, Ванечка, Ты мене не парочка: В тебе рыжа борода, А я девка молода* и т.д.

В конкретных пословичных текстах на основании кодового содержания соматизма индифференциально интерпретируются различные кодовые функции частей тела человека, что позволяет выразить множество ценностных установок национальной культуры, зафиксированных в ее соматическом коде. В частушке реализуются только отдельные их функции, в соответствии с которыми они становятся способными участвовать в реализации типовых частушечных сюжетов, транслирующих нормы любовного взаимодействия.

Проиллюстрируем вышесказанное результатами анализа кодового содержания соматизма *сердце* в пословице (где он фиксируется достаточно регулярно, но не является высокочастотным) и частушке (где он является единицей высокочастотной).

В исследованиях, направленных на анализ кодового содержания соматизмов в разных национальных культурах, отмечается, что кодовое содержание соматизма *сердце* в русской культуре совпадает с содержанием эквивалентных единиц в других (неродственных) культурах и реализуется в них как «вместилище эмоций и чувств» [14, 42 и др.]. На наличие подобного кодового смысла указывается и в работах, описывающих содержание соматического кода неродствен-

ных русской культур вне его сопоставления с кодом русской культуры (например, см.: [16]).

Указанное общекультурное / национально-культурное содержание полностью сохраняется в русских пословицах. В иносказательной пословичной интерпретации «вместилище духовного содержания человека: его эмоций и чувств» может выполнять разные функции, соответствующие его кодовой характеристике:

(1) становиться объектом внешнего воздействия, которое выражается в возможности проникновения в него (в целях трансформации «хранящегося» в нем духовного содержания): *В сердце не влезешь; Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь; С глаз долой – из сердца вон; Покоряя сердце любовью, а не страхом и др.*, – или избегать такого воздействия (*Когда семья вместе, и сердце на месте*);

(2) пребывать в определенном эмоциональном состоянии (в результате которого этот объект подвергается определенной трансформации): *Болезному сердцу горько и без перцу; В очах мило, да в сердце постыло; Без друга на сердце вьюга и др.*;

(3) выступать как инструмент воздействия (в целях трансформации внешнего мира): *Всех любить – сердца не хватит; Дай сердцу волю – приведет в неволю; Не давай волю языку во пиру, а сердцу во гневе; Сердцем не приманишь, так за уши не притянешь и др.*;

(4) выступать как источник верификации истинных качеств человека (в большинстве случаев обнаруживающий их негативный характер): *Голосом завывает, а сердцем пирога поджидает; Ласковый взгляд, да на сердце яд; Легки чужие руки, да не к сердцу; Кольцо должно быть по пальцу, а милый – по сердцу и др.*

В частушке кодовое содержание соматизма *сердце* в соответствии с жанровыми установками специализируется по модели «вместилище эмоций и чувств»: «вместилище любовных эмоций и чувств». В сюжетной структуре частушки такое «вместилище» интерпретируется только в двух функциональных вариантах: (1) как подвергающееся внешнему воздействию (чаще всего – со стороны любовного партнера) и (2) как пребывающее в особых состояниях в результате этого воздействия.

Наиболее регулярно (около 95% текстов) данный соматизм используется при реализации сюжетов, основанных на представлении дисгармоничных любовных отношений. В этом случае сюжетная логика может представлять *сердце* следующим образом:

(1) как объект деструктивного воздействию партнера, к которому герой / героиня испытывает «безответную любовь», в результате этого воздействия оно извлекается из предназначенного для него пространства (*Завлек ты меня Карими глазами. Сердце вынул из меня Походкой и словами; Вы, цыгане, вы, цыгане, Вы зачем приехали? Завлекли мое сердечко, Сели да уехали*), теряет целостность (*Не любите шоферов, Кто их любит, хаеся. Как услышишь шум мотора, Сердце разрывается; Мене милый изменил. Мое сердечко он разбил. А я сказала подлецу: –Тебе другая не к лицу*), погибает (*Полюбила дролечку, А он меня – нисколечко. Милый дроля, полюби, Дроля, сердце*

не губи; Глянет милый на меня, Завянет сердце у меня. А я гляну, усмехнусь: Я сама за ним гонюсь; Мой миленочек пошел, Я в окошко глянула. Ой, как я его любила, Даже сердце вянуло) и пр.;

(2) как объект, пребывающий в результате такого воздействия в состоянии физической болезни (*Ты, подруга, запевай – Мне не запеваешь! Мое сердце ретивое Кровью обливается; Болит мое сердечко, Ретивое мечется. Вы скажите, где больница, От любви лечатся?; Много звездочек на небе, Одна ярконько горит. Много девушек на свете, Об одной сердце болит*) или духовного расстройства (*Милый, милый, всем на диво, Что расстались мы с тобой, Все печали к сердцу пали, Грудь наполнилась тоской; Ворожила, ворожила, Не выпал интерес. Сердцу выпала досада: У него другая есть; Белый полушалочек По плечам развесила. Не смотрите, что пою, На сердце мне невесело*).

В реализации сюжетов, основанных на представлении гармоничных любовных отношений, *сердце* участвует редко. При этом в большинстве случаев любовная гармония также предполагает его деструктивное изменение или пребывание в состоянии духовной нестабильности (хотя деструкция менее активна, а состояния физической болезни исключаются): *Ох, сердце мое, Что каленый камень. Растревожил мое сердце Чернобровый парень; Сероглазый паренек Мое сердечушко зажег. Без лучины, без огня Горит сердечко у меня; Мое сердце взволновалось, Как на реченьке вода. Вода на время устоится – Мое сердце никогда*.

Отдельно остановимся на еще одной специфической особенности использования соматизмов в частушке, прямо связанной с вышеописанной.

В связи с тем, что в частушке национально-культурно заданные кодовые смыслы опосредуются характером типового любовного сюжета и соматический код частушки встраивается в ее сюжетный код, каждый соматизм получает преимущественную реализацию в рамках сюжета определенного типа, эксплицируя в соответствии с ним свою кодовую функцию.

Так, соматизм *глаза* последовательно реализуется в типовой группе частушечных сюжетов, конкретизирующих ситуации «привлечения внимание парня и девушки друг к другу» (86% частушек с соматизмом *глаза*): *Юбка клеи, юбка клеи, Юбка шамборами! Коль сама не хороша, Завлеку глазами!; Завлекательные глазки У теленка нашего. Завлекают его глазки Поросятка вашего; Завлек ты меня Карими глазами. Сердце вынул из меня Походкой и словами; Говорят, я некрасива, А зачем мне красота? Только были бы у девушки Веселые глаза; У милого кари глазки, Кари, кареватые. Он завлек, а я люблю: Оба виноватые и др.* Типовой сюжет, в жанровом контексте воспринимаемый как ценностно значимый, активизирует стабильный для него кодовый смысл: *глаза* – «инструмент духовного взаимодействия членов любовной пары». При этом *глаза* как «инструмент» такого типа в частушке «обнаруживаются» у того представителя пары, который выступает как инициатор любовного взаимодействия, что в тексте подтвержда-

ется частотным употреблением единицы *глаза* в качестве номинанта инструмента действия, обозначенного глаголом *завлекать*. При дальнейшем достраивании сюжетного кода выясняется, что глаза как «инструмент» обозначенного типа могут «оказаться в наличии» у соперницы, и тогда героиня – активная девушка – высказывает намерение запретить ей его использовать (*Я свою саперу Веру Посажу на небеса. Ты сиди, сапера Вера, Не выпучивай глаза* и др.) или лишить его (*Ты, соперница моя. Не ходи навстречу, Глаза тебе повидеру, Навеки изувечу* и др.).

Таким образом, специфика реализации соматического кода в пословице и частушке как жанрах русского фольклорного дискурса определяется:

(1) спецификой организации общекультурного соматического кода как одного из базовых, первичных в процессах познания мира человеком, с одной стороны, и в наименьшей степени зависящего от внешних условий существования культуры – с другой;

(2) характером его национально-культурного конфигурирования, заданным логикой развития русской национальной культуры;

(3) спецификой организации фольклорного дискурса, направленного на трансляцию национально-культурных ценностей;

(4) жанровыми принципами отбора и представления этих ценностей.

В результате можно сделать вывод о том, что соматический код русской национальной культуры проявляется в пословице наиболее полно. Это соответствует ее жанровой цели: иносказательно представить максимально полную палитру культурных ценностей, наиболее прямо реализуя фольклорный ценностно-ориентирующий модус. Содержанию, структуре и принципам организации национально-культурного соматического кода соответствуют отбор, частотность, кодовое содержание и принципы функционирования соматизмов как кодовых единиц.

Частушка – жанр, также направленный на трансляцию фольклорного ценностноориентирующего модуса, но реализующий его косвенно, через оценочно ориентированное отражение в типовом частушечном сюжете типового поведения героев. Содержание соматического кода культуры в частушке специализируется, фокусируясь на участии в представлении норм любовных отношений, основанных на соответствующих ценностях. Отбор и частотность использования соматизмов в частушке определяются особенностями их общекультурного и национально-культурного кодового содержания, в наибольшей степени способствующего реализации этих норм. При этом кодовое содержание каждого востребуемого частушкой соматизма также ограничивается (в сравнении с соответствующими единицами в пословице) и закрепляется за определенным типовым частушечным сюжетом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹В данном исследовании мы ограничиваемся фольклорным материалом только такого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры : автореф. дис ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. 39 с.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополь, 1998. 432 с.
3. Большой толковый словарь по культурологии / ред. Б.И. Кононенко. М. : Вече : АСТ, 2003. 511 с. URL: <http://culture.niv.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-3.htm#zag-562> (13.11.2017).
4. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь современного русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
5. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.
6. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 512 с.
8. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. М. : Макс Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.
9. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.
10. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М. : Либроком, URSS, 2012. 453 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. М. : Школа Языки русской культуры, 1996. 288 с.
12. Савченко Л.В. Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 88–92.
13. Синь-и Го. Соматический код в русской и китайской фразеологии // Телесный код в славянских культурах. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 30–40.
14. Дмитриук Н.В. Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психоллингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.
15. Кремшюкалова М.Ч. Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) // Cuadernos de rusística española. 2012. № 8. P. 95–101.
16. Ойроткинова Н.Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 5–14.
17. Борисова И.З. Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц с единицами «рука», «нога», «голова» // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 111–119.
18. Абакумова О.Б. Код культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 319–323.
19. Пойте все! : сборник частушек / сост. Г.М. Иванов. Томск : Красное знамя, 2004. 359 с.
20. Жили да были : фольклор и обряды томских сибиряков / собир. и сост. П. Е. Бардина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 222 с.
21. Ох! Любовь, ты Любовь! : частушки Западной Сибири / сост. Г.М. Иванов. Томск : Томский ЦНТИ, 2002. 504 с.

22. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М. : Худож. лит., 1983. 431 с.
23. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 229 с.
24. Ходячие и меткие слова : сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / сост. М.И. Михельсон. М. : Терра, 1994. 600 с.
25. Чапушка / вст. статья, подготовка текста и примеч. В.С. Бахтина. М.–Л. : Советский писатель, 1966. 610 с.
26. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 15–97.
27. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор. Когнитивные и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
28. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных лично-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
29. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.
30. Артеменко И.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.
31. Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сб. статей : материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж : ВГУ, 2006. С. 138–150.
32. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч. конф. / сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. М. : ГРЦРФ, 2005. Вып. 8. С. 22–41.
33. Толстая С.М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. 1994. № 5. С. 91–97.
34. Хроленко А.Т. Лексика русской народной поэзии. Курск : Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.
35. Хроленко А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147–156.
36. Цивьян Т.В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сборник статей по вторичному моделирующему системам. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1973. С. 13–17.
37. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
38. Телесный код в славянских культурах / отв. ред. Н.В. Злыднева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2005. 273 с.
39. Башкатова Ю.А. Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.
40. Завалишина К.Г. Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. 243 с.
41. Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремнологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 19 с.
42. Цримова З.Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 145 с.
43. Крикманн А. 1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (дата обращения: 11.01.2013).
44. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 257–296.
45. Белая Е.Н. Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 210 с.
46. Бахтин В.С. Раздумье о частушке // Чапушка / вст. ст., подготовка текста и примеч. В.С. Бахтина. М.–Л. : Советский писатель, 1966. С. 5–52.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2018 г.

THE SOMATIC CODE OF NATIONAL CULTURE IN RUSSIAN PROVERBS AND CHASTUSHKAS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 59–68.

DOI: 10.17223/15617793/437/8

Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

Ghya Wang, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Keywords: somatic code of culture; folklore discourse; folklore genre; proverb; chastushka; somatism.

The aim of this study is to identify the features of the representation of the code meanings of lexical units as caused by discourse and genre on the material of somatisms functioning in the proverb and the chastushka as genres of Russian folklore discourse. The study involved Russian proverbs (1,431 texts) and chastushkas (593 texts) with somatisms taken from folklore collections by continuous sampling. The study showed that the features of the representation of the somatic code in the proverb and the chastushka as genres of Russian folklore discourse are determined by (1) the features of the organisation of the common cultural somatic code as one of the basic, primary codes in the cognition of the world by man, on the one hand, and as the code the least dependent on the external conditions of the existence of culture, on the other; (2) the nature of the national-cultural configuration of the code, caused by the logic of the development of the Russian national culture; (3) the specific organisation of folklore discourse aimed at communicating national cultural values; (4) genre principles for the selection and presentation of these values. As a result, the somatic code of the Russian national culture is most completely manifested in the proverb. This is consistent with its genre purpose: to allegorically present the most comprehensive palette of cultural values, to most directly express the folklore value-setting modus. The content, structure and principles of organisation of the national cultural somatic code correspond to the selection, frequency, code content and principles of the functioning of somatisms as code units. The chastushka is a genre that is also aimed at communicating the folklore value-setting modus, but indirectly, through an evaluation-oriented reflection of a typical behavior of characters in a typical chastushka plot. The content of the somatic culture code in the chastushka is narrow: it focuses on the participation in the presentation of the norms of love relationships based on relevant values. The selection and frequency of using somatisms in the chastushka is determined by the features of their general cultural and national cultural code content, which is most conducive to the implementation of these norms. At the same time, the code content of each somatism claimed by the chastushka is also limited (in comparison with the corresponding units in the proverb) and assigned to a certain typical chastushka plot.

REFERENCES

1. Kozhemyakin, E.A. (2009) *Kontseptual'no-metodologicheskoe obosnovanie diskursnoy formy bytiya kul'tury* [Conceptual and methodological substantiation of the discourse form of the being of a culture]. Abstract of Philosophy Dr. Dis. Belgorod.
2. Eco, U. (1998) *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology]. Translated from Italian. St. Petersburg: Petropoli.
3. Kononenko, B.I. (ed.) (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Big Dictionary of Cultural Studies]. Moscow: Veche: AST. [Online] Available from: <http://culture.niv.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-202-3.htm#zag-562>. (Accessed: 13.11.2017).

4. Teliya, V.N. (2006) Posleslovie. Zamysel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovarya novogo tipa [Afterword. The idea, aims and objectives of a phraseological dictionary of a new type]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [Big phraseological dictionary of the modern Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
5. Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Culture codes and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: theory questions]. Moscow: Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences.
6. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
7. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
8. Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of culture codes: the problem of semantics]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 26. Moscow: Maks Press.
9. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.
10. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [A linguoculturological method in phraseology. Culture codes]. Moscow: Librokom, URSS.
11. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Shkola Yazyki russkoy kul'tury.
12. Savchenko, L.V. (2014) Funktsii somaticheskogo koda kul'tury v formirovanii frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov [Functions of the somatic code of culture in the formation of the phraseological system of the Russian and Ukrainian languages]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 27 (66):2. pp. 88–92.
13. Sin-I, G. (2005) Somaticheskii kod v russkoy i kitayskoy frazeologii [Somatic code in Russian and Chinese phraseology]. In: Zlydneva, N.V. (ed.) *Telesnyy kod v slavyanskikh kul'turakh* [Bodily code in Slavic cultures]. Moscow: Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences.
14. Dmitryuk, N.V. (2009) Idiomatic somaticism as the reflection of ethnic Language consciousness archetypes. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 10. pp. 30–33. (In Russian).
15. Kremshokalova, M.Ch. (2012) kul'turnye konnotatsii v fol'klornykh tekstakh kak markery natsional'nogo mirovideniya (na materiale russkikh i kavkazskikh paremiy) [Cultural connotations in folklore texts as markers of the national world view (on the basis of Russian and Caucasian parables)]. *Cuadernos de rusistica espanola*. 8. pp. 95–101.
16. Oynotkinova, N.R. (2011) Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaytsev [Somatic code of culture in Altaian proverbs]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 5–14.
17. Borisova, I.Z. (2015) Comparative analysis of proverbs with components “head”, “hand”, “foot”. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 25(2). pp. 111–119. (In Russian).
18. Abakumova, O.B. (2011) Kod kul'tury v semantike poslovits o pravde [Culture code in the semantics of proverbs about truth]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 319–323.
19. Ivanov, G.M. (2004) *Poyte vse!: sbornik chastushek* [Sing all!: a collection of chastushkas]. Tomsk: Krasnoe znamya.
20. Bardina, P.E. (1997) *Zhili da byli: fol'klor i obryady tomkskikh sibiryakov* [There lived: Folklore and rites of Tomsk Siberians]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Ivanov, G.M. (2002) *Oh! Lyubov', ty Lyubov'!: chastushki Zapadnoy Sibiri* [Oh! Love, you Love!: Chastushkas of Western Siberia]. Tomsk: Tomskiy TsNTI.
22. Anikin, V.P. (ed.) (1983) *Russkie posloviya i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozh. lit.
23. Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie posloviya i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: USSR AS.
24. Mikhel'son, M.I. (ed.) (1994) *Khodyachie i metkie slova: sb. russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, posloviichnykh vyrazheniy i otidel'nykh slov (inoskazaniy)* [Popular and apt words: Russian and foreign quotes, proverbs, sayings, proverbial expressions and separate words (parables)]. Moscow: Terra.
25. Bakhtin, V.S. (ed.) (1966) *Chastushka*. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'.
26. Rezanova, Z.I. (2011) Diskursivnye kartiny mira [Discursive Pictures of the World]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian World: modern media discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyy fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoie soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow: Nauka.
30. Artemenko, E.B. (1988) *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles for creating a folk song text]. Voronezh: Voronezh State University.
31. Artemenko, E.B. (2006) [Conceptual sphere and language of folklore: the nature and forms of interaction]. *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya* [Folk culture today and the problems of its study]. Proceedings of the Regional Conference. Voronezh: Voronezh State University. pp. 138–150. (In Russian).
32. Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i “znanie traditsii” [Semantics of folk text and “knowledge of tradition”]. In: Dobrovol'skaya, V.E. & Kotel'nikova, N.V. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Is. 8. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. pp. 22–41.
33. Tolstaya, S.M. (1994) K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury [On the concept of function in the language of culture]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 91–97.
34. Khrolenko, A.T. (1976) *Leksika russkoy narodnoy poezii* [Lexis of Russian folk poetry]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.
35. Khrolenko, A.T. (1979) Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [Semantic structure of the folklore word]. In: Gorelov, A.A. (ed.) *Russkiy fol'klor. Voprosy teorii fol'klora* [Russian folklore. The Theory of Folklore]. Vol. 19. Leningrad: Nauka.
36. Tsiv'yan, T.V. (1973) K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klore [On semantics of spatial and temporal indices in folklore]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Sbornik statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Collection of Articles on Secondary Modeling Systems]. Tartu: Tartu University.
37. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. Moscow: Gnozis.
38. Zlydneva, N.V. (ed.) (2005) *Telesnyy kod v slavyanskikh kul'turakh* [Bodily code in Slavic cultures]. Moscow: Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences.
39. Bashkatova, Yu.A. (2014) Somaticheskii kod kul'tury kak predmet sopostavitel'nogo issledovaniya [The somatic code of culture as a subject of comparative study]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228.
40. Zavalishina, K.G. (2005) *Kontseptsfera “chelovek telesnyy” v yazyke russkogo, nemetskogo i angliyskogo pesennogo fol'klora* [The conceptual sphere “physical person” in the language of Russian, German and English song folklore]. Philology Cand. Dis. Kursk.
41. Savchenko, V.A. (2010) *Kontseptsfera “chelovek telesnyy” v russkoy i nemetskoj paremiologicheskoy kartine mira (krosskul'turnyy analiz somatizmov)* [The conceptual sphere “bodily man” in the Russian and German paroemiological picture of the world (cross-cultural analysis of somatisms)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Kursk.

42. Tsrinova, Z.R. (2003) *Kontsept "serdtse" v yazykovoy kartine mira* [The concept "heart" in the linguistic picture of the world]. Philology Cand. Dis. Nalchik.
43. Krikmann, A. (2013) *1001 vopros po povodu logicheskoy struktury poslovits* [1001 questions about the logical structure of proverbs]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf>. (Accessed: 11.01.2013).
44. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2005) Tsennostnaya kartina mira traditsionnogo i sovremennogo fol'klora [Axiological picture of the world of traditional and modern folklore]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: Axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
45. Belaya, E.N. (2010) *Teoreticheskie osnovy issledovaniya yazykovykh i rechevykh reprezentatsiy bazovykh emotsiy cheloveka (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [The theoretical basis of the study of language and speech representations of basic human emotions (on the material of Russian and French)]. Philology Cand. Dis. Omsk.
46. Bakhtin, V.S. (1966) Razdum'e o chastushke [Thinking of a chastushka] In: Bakhtin, V.S. (ed.) *Chastushka* [Chastushka]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Received: 20 November 2018